

Стеванович Р. И. Язык эвристического научного изложения в контексте идеи антропоцентризма / Р. И. Стеванович // Научный диалог. – 2014. – № 4 (28) : Филология. – С. 116–132.

УДК 811.111-26'42:001.4+81'373.612.2

Язык эвристического научного изложения в контексте идеи антропоцентризма

Р. И. Стеванович

Статья посвящена языку эвристической науки и продолжает ряд публикаций автора на эту тему. Автор исходит из того, что эвристика как наука, имеющая предметом исследования собственно процесс научного творчества, обслуживается специальным набором языковых средств. Автор отмечает возникновение когнитивно-коммуникативной парадигмы в языкознании в 90-е XX века. Доказывается, что принцип антропоцентризма объединяет исследования в области современной лингвистики и эвристики, поскольку центральной категорией эвристики является ученый-творец. Предполагается, что принцип антропоцентризма находит лексическое и иное языковое выражение в терминологии эвристики. Материалом анализа являются лексика и грамматика английского языка, иногда к анализу с целью сопоставления привлекаются факты русского языка. Данное исследование вносит вклад в описание научной картины мира, которая в ее современном варианте не может не отражать новейшие научные тенденции и исследовательские парадигмы. Показано, что подязык эвристики во многом опирается на когнитивную метафору: *to light a problem* (букв. *пролить свет*) – ‘прояснить проблему’, *to anchor a problem* (букв. *пришвартовать*) – ‘остановиться на проблеме’ и мн. др. Характеризуется морфологический состав лексики данного научного направления. Подчеркивается сочетание диалогического и монологического режимов научного общения.

Ключевые слова: научная картина мира; подязык эвристики; стилистические языковые средства; когнитивно-коммуникативная парадигма в языкознании; антропоцентризм.

Признание принципа антропоцентризма в качестве главного принципа лингвистики связано с возникновением когнитивно-коммуникативной парадигмы в языкознании в 90-е XX века. Данный принцип, разработанный французским ученым Э. Бенвенистом, стал ведущим в лингвистических исследованиях. Новый подход учитывает роль человеческого фактора в языке. «Человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свои отношения к коллективу людей и другому человеку» [Арутюнова, 1993, с. 3]. Принцип антропоцентризма роднит когнитивную науку с эвристикой – наукой об оптимальной организации творческой деятельности и управлении ею. Когнитивная наука поставила в центр внимания «человеческий фактор», предполагающий изучение языковых феноменов в тесной связи с человеком, его мышлением. Центральной категорией эвристики является ученый – творец нового знания.

В данном исследовании, выполненном на материале английского языка с привлечением для сопоставления фактов русского языка, уделяется внимание особенностям представления когнитивно-коммуникативной парадигмы и принципа антропоцентризма в идиостиле эвристического научного изложения. Автор исходит из задачи описания современной научной картины мира. Предлагается характеристика арсенала лексических и грамматических языковых средств, которые используются современным автором научного текста, ориентированным на когнитивно-коммуникативную парадигму исследований, и выполняют общую задачу – объективировать и описать новые научные знания, открытия, сделать их доступными и максимально понятными для адресата.

Сущность лингвистики антропоцентризма проявляется в текстах. Текст стал ключевым понятием для антропоцентризма. «Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), то есть создает текст (хотя бы и потенциальный)» [Бахтин, 1986, с. 301]. В языке все направлено на осуществление коммуникации, едини-

цей которой является текст. Е. А. Попова отмечает: «Все языковые реалии обретают свой подлинный смысл только в тексте» [Попова, 2002, с. 73]. Интерес к изучению текста как источника исследования языка представляется многими учеными как революция в лингвистике. «Текст – перспективная область исследования, многие открытия в которой еще впереди» [Попова, 2002, с. 73]. Для текста характерна структурность, психологичность «Текст обладает интегрирующими свойствами, в нем через творящее его EGO (языковую личность) воплощаются разные стороны языка» [Тураева, 1994, с. 109]. Текст представляет собой широкое поле исследовательской деятельности.

Е. С. Кубрякова, определяя язык как когнитивный процесс, осуществляемый в коммуникации, развивает когнитивно-дискурсивный подход к исследованию языковых явлений. Когнитивным он может быть назван потому, что связан с осмыслением опыта человека и познанием окружающего мира. Дискурсивным или коммуникативным он может быть назван, поскольку язык изучается в процессе порождения и восприятия речи, в рамках дискурсивной деятельности [Кубрякова, 2004, с. 406]. Понятие дискурс и текст связаны причинно-следственной связью: текст создается в дискурсе и является его детищем [Кубрякова, 2004, с. 516]. Текст изучается в своей завершенной форме: «Научный текст представляет собой объективированное научное знание, превращение знания в текст» [Березин и др., 1979, с. 35]. Подчеркивая неразрывную связь когнитивной и коммуникативной функции языка, Г. В. Колшанский отмечает: «Познавательный и коммуникативный акты являются дискретными процессами, любое звено этих процессов должно быть зафиксировано в любой материи-тексте, а все отдельные звенья коммуникации можно характеризовать как бесконечный текст, порождаемый обществом на протяжении всей его истории» [Колшанский, 1990, с. 80].

Когнитивно-коммуникативная парадигма научного знания в лингвистике находит отражение в иерархии понятий, связанных с научным дискурсом. Н. К. Рябцева подчеркивает связь научного

дискурса с метадискурсом и последнего – с метаязыком, который широко используется при описании, упорядочении, категоризации научного знания: «Научный дискурс – обязательная коммуникативная объективация сознательно-познавательной деятельности и представляет собой область когнитивной и коммуникативной рефлексии. В когнитивном отношении – явное или неявное рассуждение, в коммуникативном – сочетание диалогического и монологического режима общения. Метадискурс является обязательным компонентом научного дискурса и представляет собой сознательную рефлексию автора над излагаемым материалом, над своими ментальными состояниями, когнитивными и коммуникативными одновременно. Научный метадискурс является обязательным компонентом научного стиля мышления. В свою очередь, научный метадискурс является источником метаязыка. Метаязык включает различные виды языковых средств рефлексии над языком, его использовании в устной и письменной речи. Наука <...> представляет собой самую развитую область сознательной рефлексии, когнитивной и коммуникативной одновременно, и является важной областью в развитии научного метаязыка – средств интерпретации знания, познания, мышления, коммуникации, культуры» [Рябцева, 2005, с. 576]. С. Е. Никитина отмечает, что «основная функция языка научных текстов – функция объективации и передачи научного знания» [Никитина, 1987, с. 27]. Разделяя точку зрения Н. К. Рябцевой, автор рассматривает научный эвристический текст как функциональный стиль, как стилистическую разновидность литературного языка. Язык молодой науки не может родиться на голом месте, он рождается на базе своего материнского источника – естественного языка. «Научный текст», – отмечает Н. К. Рябцева, – это не только отдельный стиль с хорошо описанным набором средств (объективность, точность, ясность), но и в первую очередь особым образом организованное изложение, главную роль в котором играет его автор – субъект знания и познания [Рябцева, 2005, с. 10].

С начала XVIII века слово *стиль* употребляется по отношению к литературной речи. Книжная славянизированная научная речь называлась высоким стилем. Научный текст стал объектом стилистики со времен М. Ломоносова и с тех пор получил разностороннее описание. Научный текст рассматривался как образец функционального стиля.

Научный стиль автор понимает в контексте использования языка в особой функции как совокупность ресурсов общелитературного языка, получающих определенное функциональное назначение – стать средством репрезентации нового научного знания, полученных учеными выводов и результатов. Информативность текста ставит его в разряд когнитивных образований, связанных с познавательной деятельностью человека и с фиксацией определенных структур знаний о реальном мире. Особенности функционального стиля тесно связаны со специфичностью сферы общения, целевыми установками, возникающими в процессе обмена информацией, и психическими особенностями порождения речи. Научные тексты привлекают внимание исследователей в связи с тем, что анализ использованного в них языкового материала неотделим от осмысления принципов научного поиска: изучая языковое воплощение замысла ученого, мы глубже осознаем науку как сферу интеллектуально организованной социальной действительности в жизни общества [Разинкина, 1978, с. 13]. В эвристических научных текстах запечатлен неоднородный комплекс представлений, объединяющий элементы как научной, так и наивной картины мира, что соответствует принципу единства знания и деятельности. С одной стороны, как имеющий в своей основе знания, стиль научного мышления реализуется в текстах, отражающих научную картину мира – систему представления научного знания. С другой стороны, эвристические научные тексты затрагивают вопросы практического применения научного знания во внеучебных условиях его существования. Язык – динамическая система, в нем нет ничего застывшего, он связан с деятельностью человека, спо-

собствующей непрерывному его развитию, обогащению и совершенствованию. Научная и наивная картины мира в своих моделях могут отличаться друг от друга. Расхождение это вызвано развитием науки в обществе. «В языке фиксируются не только новые знания, но и знания, когда-то существовавшие у носителей языка» [Пименова, 2011, с. 25].

Язык эвристики, как русский, так и английский вариант, отражает развитие самой этой науки. Понятия «язык науки» и «подъязык» отождествляются: «Синонимом термина “язык науки” <...> является “подъязык”» [Никитина, 1987, с. 25]. Автор разделяет точку зрения Н. И. Андреева, что подъязык – это «совокупность языковых единиц, выделенных тематически однородной областью социального функционирования языка» [Андреев, 1971, с. 36].

Особенности английского подъязыка науки эвристики исследуются нами на основе эвристического научного изложения, которое представлено в форме текстов, отражающих понятийное содержание науки эвристики. Основными категориями эвристики являются творящая науку творческая личность и сам процесс творчества, его процедуры и методы. Вся лексика эвристических научных текстов группируется в пределах данных категорий. Метаязык, используемый в эвристическом научном изложении, содержит донаучную, практическую подсознательную рефлексию над естественным языком в практическом языковом сознании и стимулирует роль научной, теоретической, метаязыковой рефлексии в науке. Метаязык, являясь подсистемой естественного языка, использует все имеющиеся в языке внутренние ресурсы: когнитивные, коммуникативные, лексические, грамматические, структурные, системные (метафору, метонимию, словообразование, синонимию, антонимию, аналогию, заимствования) [Рябцева, 2005, с. 448].

«Донаучный» язык осмысления рациональной сферы человека, «“донаучные” научные образы» (термин Н. К. Рябцевой, обозначившей так когнитивные метафоры) широко используются в языке

науки, комментируются им, развиваются. В научном изложении они образуют особый, научный метаязык, служащий средством интерпретации знания, познания, мышления, коммуникации и способом объяснения научного содержания текста. «Донаучный» прием описывать идеальные ментальные сущности «физическим языком» способствует развитию лексической, грамматической сочетаемости и является продуктивным средством познания и описания ментальной сферы человека. В самом научном языке образуется особая «метaparадигма», упорядочивающая и организующая способы описания и изложения научного знания, формируется стиль научного мышления, который находит отражение в научном изложении [Рябцева, 2005, с. 77]. Именно лингвистика способствует выявлению противоречивости человеческой природы, познанию внешнего и внутреннего мира человека. Метаязыковая рефлексия предстает как инструмент познания не только языка, но и его носителя.

Лексика научного изложения делится на терминологическую и нетерминологическую. «Термин – это свернутое знание, результат познания» [Рябцева, 1996, с. 10]. Эвристика представляет собой такой объект исследования, который не имеет сформировавшейся терминологии, ее специальный терминологический фонд очень мал. Терминология эвристики характеризуется отсутствием изолированности, обособленности. В общем лексическом составе она не автономна. В границах естественного языка эвристика сегодня имеет формирующуюся терминологическую систему. В английском подязыке эвристики переплетаются четыре лексических уровня: общелитературная лексика, общенаучная лексика, межнаучная терминология и специальная эвристическая терминология, которая включает термин *heuristic* – «эвристика», обозначения методов коллективного творческого мышления (*brainstorming* – «мозговой штурм», *synectics* – «синектика», *Delphy method* – «дельфийский метод») и методов тестирования интеллекта (*intelligence test* – «тест на сообразительность», *creativity test* – «тест на креативность», *intelligence scale* – «шкала

измерения сообразительности», *Intelligence Quotient* – «коэффициент сообразительности», *screening* – «отсев, отбор». Данная терминология составляет специфический эвристический фонд.

Язык науки эвристики развивался на базе общелитературного языка, поэтому основу ее языка составляет лексика, принципы словообразования, грамматика общелитературного языка. Все в языке науки эвристики, прежде всего в словарном составе, максимально подчиняется задаче выполнения его функции – быть средством познания. Слова общелитературного языка – они же термины (*человек, ученый, проблема, решение, задача*) – это значительный пласт лексики, связанный тематически с образом ученого. Они одновременно принадлежат к широкому общелитературному фонду и к узкой области эвристического языка. В результате процесса терминологизации общелитературного слова фактически происходит омонимизация, основанная на использовании старой «языковой оболочки» для нового означаемого. Процесс терминологизации общелитературного слова сводится к использованию одного из лексико-семантических вариантов слова, имеющего эвристическую ориентацию, и играет главенствующую роль в формировании терминологии эвристики.

Общенаучная лексика – слова, при помощи которых можно описать и охарактеризовать явления и процессы в разных науках, это слова, составляющие костяк научного изложения и образующие категориальный аппарат эвристики в целом. Общенаучный слой – это слова, относящиеся к знанию в целом: *science, investigation, problem, knowledge, experiment*. Большую часть своей терминологии эвристика заимствует у психологии, на которой, собственно, и базируется. Но эти общие термины в ходе развития подъязыка эвристики наполняются качественно новым содержанием, применяясь к предмету науки и к разным аспектам содержания понятий. Например, *imagination* («воображение») – психологический термин, но в эвристике подразумевается особое воображение, настроенное на решение творческих задач. Или *memory* («память») – также психологический

термин, но в эвристике – «эвристическая память». Психологические термины в эвристике актуализированы, обусловлены целью, подчинены общим задачам науки. На этом основании их можно назвать «акцентированными терминами», которые по своей форме идентичны общенаучному или конкретно научному термину, но в подязыке эвристики приобретают эвристическую ориентацию.

С учетом того, что понятия, передаваемые терминами, отражают не только предметы и явления, но также и действия, и качества, нельзя полностью отрицать терминологическое употребление глаголов и прилагательных в специальном научном тексте. Но большинство лингвистов сходятся во мнении, что прилагательные получают терминологический статус опосредованно через однокоренные существительные. При терминологизации слово претерпевает семантические и функциональные изменения, которые состоят в том, что слово начинает соотноситься со строго определенным специальным понятием и функционирует в научном тексте. Но ведущая роль в терминологии остается за существительным. Процесс терминологизации происходит непрерывно, и это тенденция прогрессирующая, так как терминология развивается, представляет собой открытую систему. Наряду с терминами-глаголами всегда имеются однокоренные существительные. Поскольку глагол характеризует процессуальную сторону мышления, но всякий процесс стремится к определенному результату: «Creative processes are those which result in creative products» [Smith, 1992, p. 75]. Например, *analyze – analysis, abstract – abstraction, deduce – deduction, observe – observation, synthesize – synthesis, abstract – abstraction, compare – comparison*. Данная терминология входит в состав общенаучной лексики и конкретно научной.

Межнаучная лексика представлена терминологией наук, на стыке которых родилась эвристика: психологии (*memory, intuition, intelligence, talent, thinking*), логики, философии (*induction, deduction, logic, syllogism, reasoning*). Общелитературная лексика является фо-

ном для функционирования общенаучной терминологии и межнаучной лексики.

Эвристический текст в научном изложении носит монологический характер, построен в форме рассуждения, имеет дескриптивный характер. Дескриптивный режим использует разные формы монолога: сообщение, повествования, описание. Но вместе с тем эвристический текст диалогичен, так как обращен к адресату. Адресат научного текста – не просто читатель и «наблюдатель», но партнер и сомыслитель. Научному общению требуется взаимопонимание. Стилистические средства, в свою очередь, реализуют потенции естественного языка. Авторы научного эвристического текста апеллируют к чутью читателя и к его научной эрудиции. Текст, содержащий информацию, рассчитан на понимание, а значит на извлечение этой информации. Научный текст по своей архитектонике и организации, по всем использованным в нем языковым средствам должен обеспечить формирование у адресата ментальной модели. Воздействие на эмоциональную сферу адресата осуществляется путем сообщения о ситуации случайного или неслучайного открытия и сопровождается большой метафоричностью, например: «*Mad as a hatter is a term of high praise when applied to a person of marked intellectual abilities. But “divine madness” that the Greeks considered a gift of the God*» [Barton, 1969, p. 73] (= «Сумасшедший – это слово высокой похвалы применительно к человеку с исключительными интеллектуальными способностями, но это “божественное сумасшествие” греки считали даром Богов»). Ненаблюдаемость творческого процесса ученого связывали с таинственностью, с волей Бога: «*Creative products that are brought into existence arose a sense of mystery*» [Vernon, 1964, p. 62] (= «Продукты творческой деятельности, получившие практическое применение, связаны с загадочностью их создания»). *The gift of the God* – «дар Бога», *by the favor of the God* – «по воле Бога». Иногда в научных текстах для привлечения внимания адресата приводятся некоторые данные из биографий известных ученых, философов, их творческой

деятельности: «*Socrates although regarded as crazy by his contemporaries developed novel ideas*» [Vernon, 1964, p. 142] (= «Хотя современники считали Сократа сумасшедшим, он развил новаторские идеи»).

Научное познание стремится к объективности, но оно неотделимо от субъекта познания – автора научного текста. Присутствие субъекта в научном изложении выражается в наличии «ментальной лексики», фиксирующей референцию исследователя к своим «ментальным состояниям», и соответственно в использовании «ментальной грамматики» как связующего средства. Принцип антропоцентризма, который является ведущим во всех лингвистических исследованиях, ставит во весь рост человеческий фактор: коммуникативная направленность научного текста становится главенствующей. В связи с этим стилистика приобретает черты коммуникативной стилистики, становится на службу индивидуального художника. Перестраиваются общепринятые каноны изложения. Субъективный фактор в эвристических научных текстах получает выражение в появлении антропоморфных метафор для характеристики творческого процесса ученого. «Олицетворение метафоры – это не просто уподобление человеку, это антропологизация всего действующего, единство человека и природы» [Рябцева, 2005, с. 101]. Примером «олицетворения метафоры» (термин Н. К. Рябцевой) могут служить субъективно-предикативные конструкции: *idea comes like a foreign guest* – «идея приходит как иностранец», *to welcome a new idea* – «приветствовать новую идею», *ideas rose in crowds* – «идеи появлялись толпами», *greedy heuristic* – «жадная эвристика». Эти выражения передают мысль о том, что процесс познания и научный текст в высокой степени уникальны, индивидуальны у каждого исследователя.

В эвристических научных текстах встречаются и неологизмы, которые не зафиксированы в лексикографических источниках, например новый термин *PO*, обозначающий психологический метод, который позволяет прийти к новому решению (это промежуточная фаза решения задачи): «*Placed before a statement PO indicates that the*

statement is being used as an intermediate impossible. This means that the statement may actually be wrong, but is being used as a stepping stone to new ideas» [De Bono, 1977, p. 145]. В эвристических научных текстах встречаются многокомпонентные словосочетания: *a completely – out-of-the-blue insight* – «неожиданный инсайт», *highly creative solution people* – «люди с высоким творческим потенциалом». Н. К. Рябцева называет такие комплексы «эмоционально-оценочными фигурами» [Рябцева, 1996, с. 14]: эти «издержки научного изложения» объясняются стремлением автора к максимальной экспрессивности, желанием изложить все сразу, а не «по-порядку» [Там же].

Эвристический научный текст становится инструментом познания в системе реальной ситуации, воплощением единства лингвистического и внелингвистического. Научное суждение теоретично. Стилистика обычно рассматривает набор средств научного изложения, но необходимо учитывать их риторическую нагрузку. В риторическом отношении научный текст имеет модель познавательной ситуации: «завязку» (постановка проблемы) и «развязку» (выдвижение гипотезы).

Отражение коммуникативного аспекта лингвистических исследований находит отражение в стилистике, стилистика выходит из риторики, а риторика растворяется в стилистике.

В английских эвристических текстах широко используются словосочетания, которые носят метафорический характер: *the magic key to solve the problem* – «магический ключ решения проблемы», *flash through mind* – «проблеск ума», *to see the soul of the fact* – «видеть душу факта». Метафора в науке выполняет экспрессивно-гносеологическую функцию, служит решению задачи объяснить новые, зарождающиеся понятия.

В лингвистических научных текстах субъективный фактор проявляется в оценочности рассуждения, вопреки сложившемуся мнению о «бесстрастности» изложения. Оценочность не снимает качество изложения, но позволяет его организовывать: неясный – надо

разъяснить, недостаточный – надо дополнить. В практической жизни за оценкой всегда стоит дескрипция: *gifted person* – «одаренный человек», *a person of high intellectual abilities* – «человек с высокими интеллектуальными способностями» и др.

Благодаря развитию когнитивной лингвистики, концептуального анализа, стало ясно, что лексическая сочетаемость объясняется особенностями восприятия мира человеком. Восприятие человеком своего ментального мира ассоциативно, строится по аналогии, основанной на эмпирическом опыте донаучных представлений об окружающем мире. Главный принцип языкового освоения мира – осознание и представление неочевидного через образы физического воспринимаемого мира, опредмечивание абстрактного через конкретное (метафоризация).

Мыслительные операции и их результаты уподобляются физическим сущностям – «механическому» (динамическому, технологическому) движению, естественному природному развитию, строительству, военным действиям и др.

Технологическая метафора представляет науку как активную деятельность и воплощается в сценарии «источник – путь – цель». Согласно ему познание имеет исходную точку (*hypothesis* – «гипотеза») и конечную цель (*to come to a conclusion* – «прийти к выводу», *to solve a problem* – «решить проблему»), данный сценарий развивается во времени, при этом показательна связь движения, пути, цели и препятствия.

Метафора «познание – построение здания науки» обнаруживается в выражениях: *to build the theory* («построить теорию»), *to lay the foundation to a construction* («заложить основы конструкции»), *partial solutions serve us as buildings blocks* («частичные решения играют роль строительных блоков»). Биологическая концепция языка состоит в уподоблении его живому развивающемуся организму, отождествлении составляющих познания с особенностями развития растения или иного живого организма. Цветение ассоциируется с появлени-

ем мыслей, идей: *idea is blossoming* – «идея цветет», *conclusion is fading* – «вывод увядает», *problem is riping* – «проблема зреет», *fruitful hypothesis* – «плодотворная гипотеза», *fruits of the incubation stage* – «продукты стадии инкубации».

Познание как борьба, «военные действия» концептуализируется в метафорических выражениях *to attack a problem* – «начать решение проблемы», *to fight with a problem* – «бороться с проблемой», *front of solutions* – «фронт решений», *to capture the idea* – «поймать идею».

Активен образ «процесс мышления – поток»: *flood of illumination* – «поток иллюминаций», *thought stream* – «течение мысли», *ideas flow* – «идеи текут».

Показательно, что между соответствующими русскими и английскими выражениями, словосочетаниями нет однозначного соответствия. Это объясняется неполным совпадением стоящих за ними «физических» образов. Поэтому при переводе научного текста с русского языка на английский необходимо восстанавливать и соотносить аутентичные для каждой из культур представления. Например, *to meet constrains* (букв. «встречать ограничение») ‘соответствовать ограничениям’, *to supply arguments* (букв. «поставлять аргументы») ‘представлять аргументы’, *to light a problem* (букв. «пролить свет») ‘прояснить проблему’, *to anchor a problem* (букв. «пришвартовать проблему») ‘остановиться на проблеме’.

Английский и русский научные стили кардинально различаются. Русская научная традиция склонна к классической официальности, в то время как английский научный стиль характеризуется компрессией: *I err* – «я ошибаюсь», *IQ* – «Коэффициент интеллекта» (Intelligence Quotient), *Cr-* «творчество» (Creativity), *to see the light* – «видеть решение», *crazy idea* – «сумасшедшая идея», *to face a problem* – «рассмотреть проблему», *idea arises* – «идея возникает», *Carry on!* – «Продолжай!», *Fill the gap!* – «Заполни пробел», *Link up!* – «Соедини», *World of data* – «Мир данных», *leap frog* – «скачок жабы», *a good idea is a piece of good fortune* – «хорошая идея – большая удача».

Для русских текстов характерно использование беспредложных генитивных конструкций, например: *проблема поиска решения задачи, исследование способности ученого*. В английском языке генитивные конструкции маркированы предлогом *of*: *creativity of an individual* – «творчество ученого», *kind of a solution of a problem* – «вид решения проблемы». Близкими по значению к предложному генитиву в английском языке являются именные группы, состоящие из нескольких существительных: *heuristic search strategy* – «стратегия эвристического поиска», *problem solving ability* – «способность решения проблем»; они могут видоизменяться (*strategy in heuristic search* или *ability in problem solving*). Для англичан более приемлем вариант с предлогом. Это свидетельствует о том, что английский язык предпочитает конкретизировать отношения между объектами при помощи многозначных средств.

Таким образом, можно сказать, что в эвристическом научном тексте ярко отражается принцип антропоцентризма, человек-субъект оказывается в центре всех событий. Это отражается на формировании и функционировании языковых, стилистических средств. Когнитивно-коммуникативная парадигма накладывает отпечаток на организацию научного эвристического изложения, сочетание форм диалога и монолога, использование возможностей метафоризации для формирования научной картины мира.

Литература

1. Андреев Н. Д. Подъязыки как область взаимодействия социального и системного в семантических структурах / Н. Д. Андреев // Семиотические проблемы языка науки, терминологии и информатики : материалы симпозиума 22 – 25 декабря 1971 г. : рефераты и аннотации : в двух частях / [редкол. : О. С. Ахманова и др.]. – Москва : Издательство Московского университета, 1971. – Часть 1. – 1971. – С. 36.

2. Арутюнова Н. Д. Вторичные и истинностные оценки: правильно, верно / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : ментальное действие. – Москва : Наука, 1993. – 160 с.

3. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – 2-е издание. – Москва : Искусство, 1986. – 186 с.

4. *Березин Ф. М.* Общее языкознание : учебное пособие для студентов педагогических институтов / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – Москва : Просвещение, 1979. – 415 с.
5. *Булыгина Т. В.* Человеческий фактор в языке, модальность, дейксис / Т. В. Булыгина. – Москва : Наука, 1992. – 267 с.
6. *Воробьев В. П.* Культурологическая парадигма русского языка : теория описания языка и культуры во взаимодействии / В. П. Воробьев ; Институт русского языка им. А. С. Пушкина. – Москва : ИРЯП, 1994. – 75 с.
7. *Колшанский Г. В.* Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский. – Москва : Наука, 1990. – 102 с.
8. *Кубрякова Е. С.* Начальные этапы становления когнитивизма : лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 34–39.
9. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание / Е. С. Кубрякова. – Москва : Языки славянской культуры, 2004. – 545 с.
10. *Никитина С. Е.* Семантический анализ языка науки : на материале лингвистики / С. Е. Никитина ; отв. ред. Н. А. Слюсарева, АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва : Наука, 1987. – 141 с.
11. *Митрофанова О. Д.* Наука как система познания / О. Д. Митрофанова. – Москва : [б. и.], 1995. – 126 с.
12. *Пименова М. В.* Языковая картина мира : учебное пособие / М. В. Пименова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Кемерово : КемГУКИ, 2011. – 105 с.
13. *Попова В. А.* Человек как основополагающая величина современного языкознания / В. А. Попова // Филологические науки. – № 3. – 2002. – С. 69–77.
14. *Розинкина Н. М.* Развитие языка английской научной литературы / Н. М. Розинкина. – Москва : Наука, 1978. – 210 с.
15. *Рябцева Н. К.* Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения : научный доклад на соискание научной степени доктора наук / Н. К. Рябцева. – Москва, 1996. – 42 с.
16. *Рябцева Н. К.* Язык и естественный интеллект / Н. К. Рябцева. – Москва : Академия, 2001. – 630 с.
17. *Тураева З. Я.* Лингвистика текста и категория модальности / З. Я. Тураева / Вопросы языкознания. – 1994. – № 3. – С. 101–115.
18. *Barron F.* Creative person and creative process / F. Barron. – New York : Holt, Rinehart and Winston, 1969. – 212 p.
19. *E. de Bono.* Practical thinking / Bono E. de. – Harmondsworth, Middlesex : Penguin Books ; New York : Viking Penguin, 1986. – 83 p.

20. *Smith F.* To think : in language learning and education / F. Smith. – London : Routledge, 1992. – 161 p.

21. *Vernon P. E.* Creativity / P. E. Vernon. – London : United Kingdom, 1964. – 400 p.

© **Стеванович Раиса Ивановна (2014)**, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода (английский язык), Черноморский государственный университет имени Петра Могилы (Николаев), stevanovich@inbox.ru.